

КОММЕНТАРИЙ · ОБЩЕСТВО

После нас – потоп

Новые старые идеи поворота рек – автократичный тип мышления: повелевать природой и извлекать из нее ренту. Даже если она не извлекается

Фото: Александр Рюмин / ТАСС

11:17, 25 декабря 2025,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.

«И текли куда надо каналы, И в конце куда надо впадали»

Владимир Высоцкий, «Баллада о детстве», 1975

«— В чем дело, граждане затопляемые? — важно спросил второй мужик»

Валентин Распутин, «Прощание с Матерой», 1976

Романтика больших проектов, в которые можно закачать гигантские деньги, — корневая суть советской экономики. Академик-экономист Юрий Яременко, которого трудно было заподозрить в любви к либерализму, сравнивал советскую экономическую систему с древнеегипетской: строительство пирамид, как и инициирование масштабных строек веками позже, имело самодостаточное значение.

Чем менее эффективной становилась советская модель, чем в большей степени истощался ее потенциал, чем больше средств перемалывал молох ВПК, тем более размашистыми оказывались проекты. Главным был не результат, а освоение средств, не польза для человека, а отчетность перед государством, не достижимая цель, а вырытый котлован.

Это была «экономика нулевого цикла», как назвали ее в 1988

году в журнале «Коммунист» Егор Гайдар и Виктор Ярошенко. «Котлован» Андрея Платонова, вернувшийся из небытия в те же годы, был хорошей метафорой происходящего: туда закапывались деньги, выбитые отраслевыми ведомственными лоббистами, мерявшимися своими административными весами. И это при растущем дефиците советского бюджета. Уже тогда, когда он стремился к двузначным (как выяснилось позже) цифрам, шесть могущественных министерств яростно продвигали идею строительства сразу нескольких гигантских нефтехимических комплексов. А несмотря на то, что в 1986 году под давлением специалистов, общественности, экологов вышло постановление партии и правительства об остановке переброски рек, отдельные проекты все равно реализовывались — и в спешном темпе, пока можно было освоить средства. Готовность двигать туда-сюда реки наблюдалась на фоне дефицита водоснабжения и канализаций во всей стране Советов.

«Слишком многие возводимые с нашим участием объекты не приносят реальной пользы ни нам, ни нашим партнерам. Примером, в частности, могут служить строительство гигантских ГЭС (средства поглощаются огромные, а отдача ожидается не ранее следующего тысячелетия), разорительных металлургических заводов и вообще упор на тяжелую промышленность там, где больше всего нуждаются в мелких и средних предприятиях для производства продукции массового спроса... Нам нужен не количественный, а качественный рост, не прирост любого вала, любой продукции ради завораживающей магии процентов, а иное качество роста».

Николай Шмелев, «Авансы и долги», «Новый мир», № 6, 1987

Эффект колеи никто не отменял — именно сейчас вернулись к идеи переброски рек. Именно сейчас государственные лоббисты и потенциальные бизнес-бенефициары пробили идею сплошных рубок леса под классическим предлогом, переворачивающим смысл происходящего, — восстановления лесных массивов, «санитарных рубок» и проч.

То же самое происходило и полвека назад: экономика прокручивалась на месте, деньги осваивались, экология варварским и рукотворным образом разрушалась. Ключевыми сюжетами были все та же переброска рек и Байкал. Ну, если не считать БАМа. Зато у нас теперь есть высокоскоростная магистраль Москва — Питер, к проекту которой тоже вернулись именно сейчас. И это симптом деградации экономики и упрощения экономического мышления, многое чего говорящего о характере сегодняшней политической власти.

Течет река долго

Собственно, длящаяся (с ноября 2025 года) новость состоит в следующем: ученые РАН, включая научного руководителя Института океанологии РАН, академика Роберта Нигматуллина и научного директора Института водных проблем РАН (эта же структура занималась обоснованием переброски рек полвека назад) Виктора Данилова-Данильяна, сообщили о том, что перспективным признано изучение возможностей «распределения части стока реки Оби в Аральский регион на границе Узбекистана и Казахстана и рек Печоры и Северной Двины в бассейн реки Волги и далее в Приазовье. В отличие от советского проекта 1970-х годов по переброске рек Сибири в

Среднюю Азию через открытые каналы, ученые РАН обсудили создание закрытой трубопроводной системы из полимерных труб».

Фото: ИТАР-ТАСС / Виктор Воног

Помимо решения амбициозных научных и инженерно-технических задач, в разных интервью и сообщениях мелькала и политическая мотивация — укрепление связей с братскими центральноазиатскими народами, питание водой «новых территорий». Первое обстоятельство сразу было замечено критиками «справа» — что это мы опять помогать будем поставщикам нежелательных мигрантов на нашу суверенно-монохромную родину. С другого фланга критики пока не последовало, но здесь есть серьезные вопросы.

Затраты (по предварительным оценкам) составляют круглую во всех смыслах слова сумму 100 миллиардов долларов — откуда такие деньги в ситуации, когда «враг у ворот» и уходить от них

не собирается еще долгие десятилетия (предположить, что он уйдет)? Кто в условиях дефицита рабочей силы станет трудиться на очередном строительстве очередных каналов — заключенные, индийские рабочие, северокорейские трудящиеся, центральноазиатские мигранты?

Главное — «все тот же сон!» — какими могут быть экологические и климатические последствия в и так истерзанной деградирующей экологией и климатическими изменениями стране? Еще никто не взялся посчитать экологические последствия СВО, а уже строятся уверенные новые планы по управлению природой — нет ли здесь той самой «пагубной самонадеянности», иллюзии способности двигать не только огромные массы людей, но и природные массивы? Все это, конечно, укладывается в новую моду «социальной архитектуры», но на самом деле является калькой с советских управленческих технологий. Как писал Михалков С.В.:

«Человек сказал Днепру:

— Я стеной тебя запру. <...>

И вот реке объявлена

Война,

Война,

Война!»

Происходящее — осознанно или неосознанно — отражает общемировую борьбу за энергию и воду, хотя пока имперская по методам и мотивам внешняя и внутренняя политика скорее снижает возможности в этой битве: во всяком случае Кремль по-прежнему не верит в зеленый переход и предпочитает старую модель «петрогосударства» — как бы ни падали доходы

от нефтегазового сектора. Предполагается, вероятно, что на век нынешних руководителей их хватит. А «после нас — хоть потоп». Причем в разных смыслах этого слова, в том числе климатическом и экологическом.

Экологическая же политика — это продолжение внутренней политики иными средствами. Вот и становятся возможными вырубки вокруг Байкала, проекты переброски рек, строительство высокоскоростной магистрали, по смыслу и стилю больше напоминающей проезд руководящих лимузинов с мигалками по улицам российских столиц (ВСМ — продолжение перекрытых под вождей дорог в Москве и Питере иными средствами).

Египетская пирамида построена дважды

Ретро-движение в политике, идеологии, пропаганде, репрессивных практиках не может обойти стороной и экономику. По счастью (спасибо «лихим» 90-м), она все еще рыночная, что и спасает становящуюся все более громоздкой и военизированной автократическую политическую конструкцию. Но провал в архаику в виде государственных интервенций и философии развития, представленной учеными РАН, налицо и здесь.

Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

Такая система предполагает и статистические фокусы: от закрытия статистики до манипуляции цифрами (кстати, в том числе в обоснованиях проектов переброски). Как это делалось в том же Институте водных проблем, который оживился и сегодня, хорошо описывал писатель и главный редактор «Нового мира» Сергей Залыгин еще в сборнике 1988 года «Иного не дано»: «В 1986 году институт утверждал, что к 2000 году водопотребление промышленностью СССР снизится на 17,1%. Это — реальная цифра; за счет введения новой технологии и введения водооборотных систем процесс снижения водопотребления наблюдается во всем мире. Но в 1987 году тот же институт утверждает: к 2000 году водопотребление на 21%... повысится. Почему так? Да потому что потребовалось заново доказать наличие дефицита воды в ряде регионов страны. Раз дефицит — значит и переброска».

И не только переброска, но и статистическое отражение роста ВВП: копаешь от забора и до обеда — и он растет, закапываешь

после обеда и до заката — он тоже формально увеличивается. Как и сегодня за счет производства «готовых металлических изделий».

И подобного рода примеров из темного прошлого, которое трансформируется в наше светлое будущее, немало. Например, такой — один из многих, приводимых Егором Гайдаром в книге «Гибель империи», — отделение залива Кара-Богаз-Гол от Каспия: «Для прекращения падения уровня воды в Каспийском море построили дамбу. Вскоре выяснилось, что уровень Каспия повышается, дамба нарушила работу важного для экономики страны предприятия «Кара-Богазсульфат». Дамбу разрезали, снова пустили воду в залив».

Деньги освоены. План выполнен. Капитал омертвлен.
Египетская пирамида построена дважды.

«За исторически кратчайший период оказались поглощены гигантские нефтяные, газовые, рудные и другие запасы многочисленных месторождений, сведены гигантские лесные массивы, затоплены огромные районы, созданы многочисленные гидроэнергетические каскады и гидросистемы, разрушающие экологию целых регионов, сформировались «колоссы», подобные Минводхозу или Минатомэнерго, масштабы деятельности которых сопоставимы с геологическими сдвигами, происходящими в течение сотен и миллионов лет».

В. Пантин, В. Лапкин, «Что остановилось в годы застоя?» — в сборнике «Погружение в трясину (Анатомия застоя)», М., 1991.

«Азиатский способ производства» и «петроаггрессия»

Средства извлекались прежде всего из ренты. Своего рода рентой сталинской индустриализации были людские ресурсы деревни. Затем началась эксплуатация природных ресурсов, требовавшая «покорения природы», то есть борьбы с ней. СССР превратился в нефтегазозависимую петрократию. Нынешний Кремль цепляется не только за политическую власть, но и старую рентную — и устаревающую энергетическую — модель не развития, но выживания. Хотя рентой опять становятся люди и их бизнесы — из них выжимают налоги. Все это похоже на описанный еще Карлом Марксом «азиатский способ производства».

А с природой петрократия по-прежнему сражается. И не случайно внутри гражданского общества одними из первых были защищены экологические движения и НКО.

Как не случайно и то, что в перестройку экологическое движение было одним из самых сильных и заметных — та же дискуссия вокруг переброски была абсолютно беспрецедентной и неслыханно масштабной. И объединяла самые разные части идейного спектра — от «почвенников» вроде Валентина Распутина, чья проза была проэкологической, и Василия Белова, обещавшего покончить с собой на Красной площади, если сибирские реки развернут, до людей с демократическими взглядами, например, уже упоминавшегося журналиста сначала «Сельской молодежи», а потом «Коммуниста» и «Нового мира» Виктора Ярошенко.

Экологическая и климатическая катастрофа идет рука об руку с

антропологической, глобальное потепление — с глобальными политическими изменениями. Петрократии отвечают на меняющиеся геополитические и экономические обстоятельства «петроаггрессией» (Джефф Д. Колган), обусловленной самим генезисом национал-имперского государства и его идеологии.

Огромные колонизировавшиеся пространства были источником ренты — от пушнины до нефти, их нужно было добывать, транспортировать и по ходу транспортировки на экспорт — охранять. Этот процесс Александр Эткинд (признан Минюстом РФ «иноагентом») назвал «внутренней колонизацией». Охранники и примкнувшие к ним идеологи (от православных иерархов до ведущих телевизионных шоу) стали хозяевами и собственниками, разделившими доход и землю. Ресурсная рента и территории стали священными опорами политических порядков автократического типа на наших просторах.

И эта история продолжается:

громоздкая нефтяная качалка, утверждающая, что она несет новый мировой порядок, на самом деле восстала из политического мезозоя и разрушает не старый и не новый, а просто нормальный мировой порядок.

Попутно можно и реки повернуть — ничто не слишком для «владычицы морской». Была бы рента, а «после нас», как известно, «потоп».

*Признан Минюстом РФ «иноагентом».